

Р. С. Нурмухаметова

Казанский федеральный университет (Россия)

КУЛЬТУРНО-МАРКИРОВАННАЯ ЛЕКСИКА В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ТАТАР

(на примере лексемы *бәләш*)

Публикация статьи осуществлена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Республики Татарстан, проект №13-14-16014.

В статье делается попытка описания ассоциативного эксперимента как метода исследования культурно-маркированных единиц языка. Выявляется культурно-национальная специфика семантики лексемы «бәләш».

Ключевые слова: культурно-маркированная лексика, ассоциативный эксперимент, названия пищи, лексема

В условиях современной глобализации общества возрастает интерес к изучению языка и языковой личности в их взаимосвязи с феноменом национальной культуры. Язык обладает способностью воздействовать на формирование и развитие народной культуры, изучение языка невозможно без изучения культуры и личности нации. Как феномен культуры язык многомерен, что порождает множество подходов к его изучению.

Лексика как важнейший уровень языковой системы сохраняет и передает из поколения в поколение этнокультурную специфику. Поэтому главное место лингвистических исследований культурной направленности занимает изучение культурно-маркированной лексики, несущей в себе информацию об особенностях национального мировосприятия.

В многообразной и многоплановой лексике татарского народа существует специфическая группа единиц – этнокультурная лексика, знакомство с которой расширяет мировоззрение человека, формирует интерес к культуре народа. К данной лексике относятся названия архитектурных сооружений и их частей; наименования утвари, продуктов питания и традиционных блюд; названия музыкальных инструментов; жанры

устного народного творчества; формы речевого этикета; праздники и связанные с ними обычаи и обряды и т.п. Они отражают духовные и ментальные ценности и составляют стержень национальной культуры, на котором строится и держится этническая идентичность и народа в целом, и его конкретного представителя.

В пище больше, чем в других областях сохраняются традиционные черты, с ней больше всего связаны представления о национальной специфике народа. Поэтому ученые начинают исследование этноса с изучения национального стола, так как в нем отражаются история, быт и нравы народа.

Говоря о пище татарского народа в настоящее время, можно отметить присутствие блюд, характерных для многих народов мира. Сегодня в рацион питания татар входят почти все кухни мира. Но тем не менее татары сумели сохранить самобытность своей собственной кухни, многие блюда не потеряли своего значения, а некоторые из них даже являются брендовыми блюдами. Несомненно, изменения материального благосостояния людей, условий жизни, взаимоотношения с соседними народами, соприкосновение с различными культурами внесли некоторые коррективы в культуру питания и приготовления пищи: исчезли отдельные повседневные и простые блюда, появилась заимствованная пища; домашнюю еду заменили продукты из магазинов, супермаркетов. Даже в таких условиях татарские национальные блюда остаются актуальными. Можно сказать, национальная кухня татар не сдает свои позиции, в условиях глобализации татарские блюда сохраняют свою конкурентоспособность. Молодое поколение и гости нашей республики не на словах знакомы с такими блюдами, как *өчпочмак*, *пәрамәч*, *кыстыбый*, *чәк-чәк*, *талкыш-каләвә*, *кош теле*, *бөккән*, *гөбәдия*, многие пробовали и полюбили *токмачлы аш*.

Настоящее исследование посвящается знаменитому татарскому блюду под названием «бәлеш» (белиш). Это круглый пирог с разной начинкой. Обычно его пекут в печи.

Этимология названия данного блюда, по мнению Р.Ахметьянова, восходит к словосочетанию *бәһале аш* (дорогая пища). Ученый также отмечает, что похожие названия пищи встречаются и у других народов: по-удмуртски *балыш*, в марийском языке *палыш*, *бӓлыш*, *бӓлеш*, по-чувашски *палӓш*, *пелӓш*, по-русски *белиш* [2: 40].

В татарской кухне белишей очень много, они отличаются по составу начинки: например, *урдак бәлеше* (белиш из утки, значит, в начинке есть утиное мясо); *дөгеле бәлеш* (белиш с рисом); *балык бәлеше* (белиш из рыбы); *кабак бәлеше* (тыквенный белиш) и т.п. Таким образом, белиши готовят из говяжьего, овечьего и разного птичьего мяса, из рыбы, из разных овощей и круп. Их делают и большими, и маленькими; и высокими, и низкими. В книге кулинарных рецептов Ю.Ахметзянова «Татарские национальные блюда» приведены рецепты разных белишей: *шулпалы ит бәлеше* (мясной белиш с бульоном), *шулпалы каз бәлеше* (белиш из гуся с бульоном), *баш-аяк бәлеше* (белиш из птичьих потрохов), *чебеш бәлеше* (белиш из мяса цыпленка), *карабодай бәлеше* (белиш из гречневой крупы), *итле дөге бәлеше* (белиш из риса и мяса) и т.п. [1: 115-124]. Они, обычно, подаются на стол в сковородке и именно в этом отражается древняя культура питания татарского народа и его обычаи: пища в сковородке долго остается горячей; такую еду можно есть только вместе – это означает единство семьи (татары не приветствуют прием пищи порознь: опоздавшим еда или не остается, или остывает).

Большой белиш татары готовят в праздники, когда вся семья собирается вместе. Его делают из пресного теста, в начинку кладут нарезанные небольшими кубиками мясо, картошку и лук, для вкуса добавляют черный перец, соль, лавровый лист. На самом верху оставляют отверстие с «пробкой» и во время выпекания через него наливают бульон. Такой белиш по-другому называется «шулпалы бәлеш» (белиш с бульоном). На столе сначала открывают крышку из теста, крышку делят на каждого человека за столом, затем постепенно едят начинку и режут края. Начинку едят вместе с тестом.

В рамках проекта «Исследование ассоциативно-вербальной модели языкового сознания татарского народа» был проведен массовый ассоциативный эксперимент с носителями татарского языка. В эксперименте участвовало 129 человек разных специальностей в возрасте 18-24 лет. Каждый испытуемый получал бланк анкеты, состоящий из 120 слов-стимулов, и должен был ответить на каждый стимул первым приходящим в голову словом. Это был прямой ассоциативный эксперимент, т.е. путь от стимула к реакции. Среди стимулов было слово «бәләш».

Исследования последних десятилетий доказали, что моделировать языковое сознание и вербальную память человека, выявлять национально-культурную специфику восприятия и понимания окружающего мира способны ассоциативные реакции, получаемые в ходе разного рода лингвистических ассоциативных экспериментов: свободных и направленных, прямых и обратных, комплексных и фрагментарных и т.п. [3]. Весь спектр полученных таким образом ассоциативных реакций на данное слово-стимул представляет собой ассоциативное поле, по Ю. Н. Караулову «ассоциативно-вербальную сеть» [4].

Н. В. Уфимцева отмечает, что с помощью ассоциативного эксперимента «...можно судить об особенностях функционирования языкового сознания человека и способах построения речевого высказывания, обычно не осознаваемых носителями языка и не выявляемых другими способами исследования» [5: 4-5]. Материалы ассоциативного эксперимента можно рассматривать и как специфичный для данной культуры и языка «ассоциативный профиль» образов сознания, интегрирующий в себе умственные и чувственные знания, которыми обладает конкретный этнос [6: 67].

Несмотря на то, что интерес к ассоциативному эксперименту как новому направлению лингвистики в мировой и российской науке обозначился в 70-80-е годы прошлого века, в татарской лингвистике он начинает брать только обороты.

Согласно результатам эксперимента сегодняшний ассоциативный портрет национального татарского блюда БЭЛЕШ выглядит следующим образом: *тәмле* 'вкусный' 26, *ашау* 'есть, кушать' 7, *ит* 'мясо' 7, *авыл* 'деревня' 4, *аш* 'еда' 4, *итле* 'мясной; с мясом' 4, *кайнар* 'горячий' 4, *өчпочмак* 'треугольник (национальное блюдо)' 4, *ризык* 'пища' 4, *төбе* 'дно' 4, *ашарга* 'есть, кушать' 3, *зур* 'большой' 3, *камыр* 'тесто' 3, *өй* 'дом' 3, *авыз* 'рот' 2, *ашамлык* 'пища' 2, *эни* 'мама' 3, *балеш* 'пирог' 2, *гәбәдия* 'губадия (национальное блюдо)' 2, *иттән* 'из мяса' 2, *өстәл* 'стол' 2, *пешерү* 'испечь' 2, *апам* 'сестра моя' 1, *аш мәҗлесе* 'званный ужин' 1, *ашадык* 'поели' 1, *ашау ризыгы* 'съедобная еда' 1, *ашыйм* 'ем' 1, *эби* 'бабушка' 1, *энием* 'моя мама' 1, *балешлар белән тулган тәлинкә* 'тарелка с пирогами' 1, *бәрәңге* 'картошка' 1, *дөгә* 'рис' 1, *еда* 1, *җимеш* 'фрукты (сухофрукты)' 1, *йола* 'обычай' 1, *казаяк* 'гусиные патроха' 1, *коймак* 'оладьи' 1, *кунак* 'гость' 1, *ням ням* 1, *пәрәмәч* 'перемеч (национальное блюдо)' 1, *пешердем* 'испек/ла' 1, *пешерергә* 'испечь' 1, *таба* 'сковорода' 1, *татар милләте* 'татарская нация' 1, *татарларның милли ашы* 'национальное блюдо татар' 1, *тәме* 'вкус' 1, *тәмле әйбер* 'вкусная вещь' 1, *тәмле ризык* 'вкусная еда' 1, *тәмсез* 'невкусный' 1, *түгәрәк* 'круглый' 1, *туган йорт* 'родной дом' 1, *туклыклы* 'питательный' 1, *чәй* 'чай' 1, *чәй бал белән* 'чай с медом' 1.

Наиболее часто встречающиеся, а значит, самые типичные ассоциации образуют центр ассоциативного поля данного слова, в нашем случае это условно от 4 до 26 первых по частоте ассоциаций; а менее частотные реакции, встретившиеся 1-3 раза, относятся периферии. Результаты эксперимента показывают, что в центре ассоциативного поля – реакция «тәмле», которая встречается у 26 информантов. Слово-стимул вызывает и другие вкусовые ассоциации: «ням ням», «тәмле әйбер», «тәмле ризык», «туклыклы». Встретить в этом ряду ассоциата «тәмсез» вызывает удивление.

Вторая по частотности реакция «ашау» является дериватом другой активно встречающейся ассоциации «аш», она наблюдается и в других

грамматических формах: *ашарга* (инфинитивная форма), *ашадык* (1 лицо мн. ч.), *ашыйм* (1 лицо ед. ч.).

Слово-стимул также вызывает реакции, связанные с составом данного блюда (*ит, итле, камыр, иттән, бәрәңге, дөге, жимеш, казаяк*), что доказывает достаточно хорошее «знакомство» опрашиваемых с ним не только по словам. По нашему мнению, знание информантами татарской национальной кухни также вербализируются реакциями *гәбәдия, йола, коймак, пәрәмәч, татар милләте, татарларның милли ашы, таме, чәй, чәй бал белән* и др. Присутствие среди реакций терминов родства (*әби, әни/әнием, апам*), а также понятий *өй, туган йорт, авыл* отражает глубоко национальное содержание данного концепта.

По мнению исследователей языкового сознания этноса, общность ассоциаций, их типичность и высокочастотность позволяют говорить о существующей общности коллективного, массового сознания народа. Наличие этих общих ассоциативных связей между словами данного языка обеспечивает адекватность понимания в процессе общения. Иначе, если бы у всех носителей языка одно и то же слово ассоциировалось с совершенно разными представлениями, общение между людьми было бы затруднено. Поэтому наличие общих реакций на одинаковые слова-стимулы вытекает из социальной природы языка [4].

После систематизации и анализа полученных ответов на заданные стимулы были обнаружены некоторые особенности восприятия и ассоциативного реагирования современных информантов-татар на данный стимул. Так, полученные ответы указывают на то, что в языковом сознании молодежи БЭЛЭШ, в основном, ассоциируется с *шулпалы зур бәлеш* (большой белиш с бульоном), а других видов белишей мало-кто помнит или они сейчас известны по другим названиям. Этот факт, вероятно, является сигналом постепенного исчезновения в памяти народа традиционных блюд, или замены их другой пищей.

Вся человеческая жизнь фиксируется, интерпретируется и обобщается в языке. Исследование культурных коннотаций языковых единиц делает возможным раскрыть внутренний мир народа наиболее полно. Выявление ядра языкового сознания этноса приобретают особую научную значимость в контексте столь актуальной в наше время проблемы – сохранения и развития национальных языков и культур.

Литература

1. Әхмәтҗанов Ю. Татар халык ашлары. – Казан: Раннур, 1999. – 464 с.
2. Әхмәтҗанов Р. Г. Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлеге. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2001. – 272 б.
3. Дмитриук Н. В. Ментально маркированные концепты языкового сознания этноса: методология исследования // Вестник Карагандинского университета. Серия Филология. – 2012. - №4(68). – С.185-191.
4. Караулов Ю. Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: Институт русского языка РАН, 1999. 180 с.
5. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, Ю. Н. Караулов, Е. Ф. Тарасов. – М., 2004. – 792 с.
6. Уфимцева Н. В. Сопоставительное исследование языкового сознания славян // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001. – С. 65-71.